

Не знаю, чем Шоули умудрился прогневать матушку, но почему-то любая неприятность непременно сваливается на его голову. В душе я застонала, но поспешила оправдаться: «Он, малыш, давно уже спит, при чём тут он? Просто я днём выспалась, вот ночью и не сомкнула глаз, решила почитать что-нибудь, да так и увлеклась.»

На лице матушки всё ещё читалось недовольство, но она больше не стала допытываться, лишь сказала: «Раз дочитала, вели принести ещё. На сегодня хватит. Сиди в чертоге, отдыхай, без дела не выходи.»

Я поспешила возразить: «Пустяковая простуда, уже почти прошла. Не стоит так переживать. Сидеть взаперти — какая скука!»

Матушка бросила на меня строгий взгляд: «Соскучилась — иди с Ваньэр составляй краткие записи. Как раз из областей и округов прислали кучу поздравительных докладов ко дню рождения, твои услуги очень кстати.» Пока она говорила, то уже полностью оделась и, оставив меня в Чертоге Цишэн, сама отбыла на паланкине.

Ваньэр тоже осталась. Я взглянула на неё. Она распорядилась, чтобы служанки убрали вещи матушки, а затем подошла ко мне: «Принцесса, вы желаете сначала прилечь или сразу приступите к просмотру докладов? В этом году поздравительных посланий больше, чем в прошлом, работа может затянуться. Или, быть может, возьмёте их с собой, чтобы читать не спеша?»

Доклады — документы государственной важности. Даже поздравительные или донесения о благоприятных знамениях подлежат строгому учёту и хранению. Такие, как я, или чиновники из Палаты Фэн-гэ и Луаньтай, что составляют для матушки краткие выдержки, могут знакомиться с ними лишь в отведённых местах. Архивные документы хранятся в Тайном павильоне, и без особого разрешения даже наследный принц или князь не могут их запрашивать. А Ваньэр предлагает мне взять их с собой! Я с подозрением посмотрела на неё и промямлила: «Пожалуй, лучше просмотрю здесь.»

Ваньэр поняла мои опасения и лишь улыбнулась: «Тогда я велю приготовить для принцессы место.» Она вышла, чтобы отдать распоряжения, а вернувшись, кивнула мне. Я последовала за ней в боковой зал. Посредине стояли кресло с высокой спинкой и большой стол — очевидно, место матушки. По обеим сторонам были расставлены несколько циновок для сидения, но лишь у последнего места с западной стороны и у первого с восточной имелись низкие письменные столики.

Возле западного столика слева дымилась маленькая курильница, в которой ещё тлели остатки благовоний. Восточный столик, судя по всему, поставили недавно. Место перед ним, помимо циновки, застелили ещё и толстым вышитым ковриком. Рядом поставили маленький столик, на котором разместили чайник со свежесваренным лёгким чаем, тарелку с горячими сладостями четырёх видов и блюдо с засахаренными фруктами. Под столиком пристроили жаровню и ещё одну курильницу.

Февраль уже перевалил за половину, и сильных морозов не было, однако в зале пылали пять больших медных жаровен — по одной в каждом углу и одна в центре, — так что внутри стояла невыносимая духота. Зато окна по обеим сторонам были приоткрыты, и дверь в соседнее помещение тоже не закрывали — и чтобы угар не скопился, и от жары спастись.

Ваньэр и я сели слева и справа, каждый за своим столиком, погрузившись в работу. Она трудилась с необычайной сосредоточенностью, сидя на коленях перед столом почти недвижно,

если не считать руки, сжимавшей кисть. Я же, сражённая тёплым, пряным воздухом, почувствовала, как меня одолевает дремота. Пробежав глазами несколько свитков, я с трудом сдерживала зеवоту и, слегка смутившись, взглянула на Ваньэр. Та улыбнулась: «Госпожа императрица приказывала: если принцесса устанет, можно отдохнуть на ложе в задней комнате.»

Я последовала её взгляду и заметила за креслом ширму, за которой было отгорожено небольшое пространство с ложем, стулом и туалетным столиком. Я рухнула на ложе и проснулась уже от звуков голосов: матушка вернулась и принимала сановников. Подобные собрания обычно проходили без моего участия, а я вот оказалась здесь, и мне стало неловко. Я поднялась, на цыпочках подкралась к ширме, где стояла служанка. Та, заметив меня, тут же замахала рукой, веля вернуться назад. Убедившись, что матушка в курсе моего присутствия, я успокоилась, тихонько вернулась и уселась на ложе, прислушиваясь к разговору.

Собралось не так уж много людей. Тот, кто говорил сейчас, имел громкий, уверенный голос — сразу узнавался Пэй Янь: «Госпожа императрица, управляя Поднебесной от имени Сына Неба, должна являть миру высшую справедливость. Как можно проявлять пристрастие к своим родным? Разве вы не видите, чем кончила Люй-хоу?»

В последнее время все министры так и норовили вернуть слово о Люй-хоу, страшась, как бы матушка, взяв бразды правления, не нарушила устоявшиеся порядки. Они и не ведали, что в будущем она и вовсе станет императрицей! Какое уж там «падение Люй-хоу»! И точно, вслед за этим раздался спокойный, размеренный голос матушки: «Люй-хоу раздавала власть живым, щедро жалую своих родичей. Я же лишь воздаю почести усопшим предкам. Чем это вредит государству или нашему дому?»

Пэй Янь заволновался и запальчиво возразил: «Предотвращать беду следует в зародыше, а зонтик готовить до дождя. Только так мудрый правитель может обеспечить долговечность своего правления.»

Матушка усмехнулась: «При Люй-хоу все государственные дела решались её родичами. А ныне У Чэнсы всего лишь унаследовал родовой титул Чжоу-гогун, У Саньсы только что получил пост в Шаншушэне, да и тот недавно у него отобрали. Как вы полагаете, достоинство Люй может сравниться с положением моей семьи У?»

Пэй Янь замолчал. Я невольно затаила дыхание, стараясь уловить малейший звук снаружи, но ничего не услышала. В зале воцарилась ночная тишина, нарушаемая лишь лёгким стуком, когда матушка ставила на стол чайную пиалу.

Время тянулось невыносимо медленно. Я уже не могла сдержаться и украдкой перевела дух, когда Пэй Янь наконец заговорил вновь: «В таком случае... Ваш слуга повинуется.»

Матушка поставила пиалу со глухим стуком: «У других господ ещё есть возражения?»

Я услышала громогласный голос У Чэнсы: «У Вашего слуга возражений нет.» Затем послышались редкие, недружные голоса остальных, выразивших согласие.

В голосе матушки послышалась лёгкая победоносная нотка: «Коль возражений нет, пусть исполняют.» Когда сановники стали удаляться, она специально окликнула Пэй Яня: «Князь Хо ведь в столице. Не собираетесь навестить своего свата?»

Пэй Янь ответил: «В последнее время дел невпроворот, Ваш слуга постоянно ночует в департаменте, домой выбраться не удаётся, уж не говоря о визитах к родне.»

Матушка рассмеялась: «Князь Хо — старейшина императорского рода, человек преклонных лет и высокой добродетели, к тому же ваш сват. Редко он навещается в столицу. Даже при самой занятости вам следует его повидать.»

Пэй Янь почтительно согласился и снова откланялся.

Решив, что все уже ушли, я выглянула из-за ширмы и увидела, что матушка манит меня. Я поспешила выйти, собираясь поклониться, но она уже взмахнула рукой, освобождая меня от церемонии: «Я намерена посмертно возвести своих предков в княжеское достоинство, возвести семь храмов рода У и соорудить родовое святилище. Пусть Чжэн Бо вместе с У Саньсы совершит обряд жертвоприношения. Что ты на это скажешь?»

Я на мгновение опешила, а затем сообразила: матушка отправляет Чжэн Бо в Вэньшуй по делу и специально спрашивает моё мнение. Я улыбнулась: «Он сможет послужить матушке, да ещё и участвует в жертвоприношении предкам рода У — что может быть лучше?»

Матушка поправила меня: «Он служит не мне, а государству.»

Я ответила: «Я знаю, что матушка правит Поднебесной, и дела матушки суть дела государственные. Однако отец и матушка — единое целое. Отец матушки, хоть и зовётся дедом по матери, для меня как родной дед. Хоть я и не ношу фамилию У, но кровные узы не разделить одной лишь фамилией. В сердце своём я чту род У наравне с родом Ли. Посему жертвоприношение предкам У — это не только государственное дело, но и моё личное. Если супруг совершает его от имени государства, он совершает его и для меня. И сердце моё, и государственное, и личное, — преисполнено радости.»

Мои слова вызвали у матушки улыбку, но она сделала строгое лицо: «Красиво говоришь. А стоит поручить тебе пустяковое дело — ни строчки не написала, как уже заснула богатырским сном, не разбудишь.»

Я парировала: «У дел ведь есть приоритеты. Поздравительные доклады — дело привычное, можно и позже. А почтение предков — дело важное, здесь нельзя допустить оплошности. Потому я, даже услышав о нём во сне, тут же проснулась и поспешила разделить заботы матушки. Жаль только, что матушка всё уже решила сама, и помощь моя не потребовалась.»

Матушка шлёпнула меня: «Вот тебе ещё одна шкатулка. Изучай как следует, без лени. Завтра большой совет, а я сегодня возвращаюсь в город. Ты со мной или поживёшь несколько дней дома, а потом приедешь во дворец?»

Я, не задумываясь, выпалила: «Я с матушкой, во дворец.» Мысль о А-Хуань наполнила моё сердце и мысли безраздельной радостью.